

ПОДАРИЛИ ДОВАТОРЦЫ БУРКУ...

Шара ЖИЕНКУЛОВА,

**народная артистка Казахской ССР,
лауреат Государственной премии
Казахской ССР**

Из Москвы передают сводку погоды. Мороз, снег... Представляю, как красивы подмосковные роши в белом уборе — словно кружево. Но вдруг сердце охватит холодная дрожь: это всколыхнулась дальняя память. Сорок первый. Зима. Сейчас — красивая, тогда — лютая. Фронтная актерская бригада. Сцена — грузовик с откинутыми бортами. Я — танцовщица, исполнительница танцев народов мира. А какой же танец в валенках и полушубке? Переодевались мы в вырытом в глубоком снегу углублении, едва прикрытом шинелью.

Тело растирали спиртом. И ведь ничего, не болели! Так велико было нервное напряжение, стремление порадовать усталых, только что из-под огня бойцов, что перед этим отступали все недуги.

Вот бригада въезжает в отбитый у врага городок. Концерт начинается с ходу. Лидия Русланова запекает свой коронный номер — «Валенки». Уже через несколько минут вокруг нашего грузовика — толпа народу: бойцы, командиры, вышедшие из укрытий, уцелевшие жители. Освобождение началось для них с русской песни!

Помнятся концерты у легендарных конников генерала Доватора. Встретил нас он тепло, радостно, чувствовалось — хорошо знал цену фронтовому искусству. Он ведь и сам любил баян, неплохо пел. Доватор лично разрабатывал маршрут нашей бригады по частям корпуса. В одном из полков концерт прервала команда «По коням!», и минутой позже на наших глазах кавалеристы пошли в яростную атаку — только бурки стелились по ветру да яркими молниями блистали каленые клинки. В память об этих днях у меня

осталась подаренная доваторцами бурка, она прошла со мной многие сцены мира: в ней я исполняла лезгинку...

Пожалуй, именно на фронте увидела я воочию, какую огромную силу психологического воздействия имеет наше искусство. В партизанском отряде после концерта ко мне подошел командир, сказал:

— У нас есть боец. Ему ампутировали ноги. Вот уже неделю отказывается от пищи... Может, вы поможете?

— Кто он по национальности? — спросила я.

— Украинец.

Я надела украинский костюм и спустилась в госпитальную землянку. Присела возле бойца и тихонько запела «Чумарочку», песню, которой я всегда сопровождала украинский танец. Спела куп-

лет, смотрю — у него слезы по щекам покатились. Дослушал до конца, попросил еще что-нибудь спеть. Я долго пела ему и видела, как наполнялись светом глаза раненого.

— Теперь он будет жить, — сказал командир отряда.

Но мне все казалось, что мало еще я сделала для фронта. Одними концертами врага не побьешь! И тогда пришлось решение внести все свои сбережения в фонд обороны, чтобы на эти деньги купили танк. А через некоторое время пришло письмо с фронта, от капитана Байбулова: он сообщил, что сражается на том самом танке. Жаль, что оборвалась наша переписка, так до сих пор мне и не известна судьба танкиста, знаю только, что дрался он отважно.

Очень верно сказал поэт-фронтовик Владимир Харитонов: «Этот день мы приближали, как могли». Каждый из нас. Всем, чем мог. Врагу противостояла вся стра-

на, все несокрушимое единство фронта и тыла, единение армии и народа. А когда пришел день Великой Победы, мы вернулись к мирным делам. Я мечтала о воспитании мастеров казахского танца — и теперь вот возглавляю коллектив Казахского государственного хореографического училища. И сегодня я с гордостью говорю о том, что один из моих классов почти полностью был выпущен в балетную группу тогда только что создававшегося Ансамбля песни и пляски Среднеазиатского военного округа. Моя связь с армией продолжается ныне через моих питомцев!

Сегодня, в день рождения нашей армии, я с гордостью рядом с наградами за актерский труд — орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени прикрепляю медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Этот праздник я отмечаю и как свой день — день ветерана фронтовых актерских бригад.